

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Language typology. 1987. Systematic balance in language. Papers from linguistic typology symposium, Berkeley, 1—3 December 1987/Ed. by Lehmann W. P. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1990. 212 p.

В рецензируемой книге представлены доклады, прочитанные на совместной советско-американской конференции в Беркли (США) в 1987 г. Эта конференция явилась продолжением работы, начатой в 1985 г. на конференции в Москве, где внимание было сосредоточено на определении основных понятий и категорий типологии языка (в частности — языкового типа и типологического сдвига), на сопоставимости терминов и использовании метаязыка описания, на привлечении данных ареальной лингвистики для типологии и на возможности последних для решения проблем реконструкции различных языковых семей [1].

Материалы конференции в Беркли вошли в рецензируемую книгу, которую ее издатели посвятили В. Н. Ярцевой, много сделавшей для организации совместной деятельности советских и американских лингвистов. Издатели отмечают, что подзаголовок книги «Системная сбалансированность в языке» был взят из статьи В. Н. Ярцевой, поскольку он отражает, как пишет В. Леман, «ее взгляды в исследуемой области и цели данных конференций» (с. V).

Действительно, даже беглый просмотр статей показывает примерную организацию представления языка: сначала идут статьи, в которых рассматриваются данные фонологии, затем — морфологии и синтаксиса, но не в отрыве их друг от друга, а с преимущественным вниманием то к одному, то к другому аспекту в их тесном взаимодействии. Если в начале 80-х годов отмечалось недостаточное последовательное внедрение в современные типологические штудии принципов системного и исторического подходов [2, с. 5], то в рецензируемом сборнике представлено широкое исследование именно этих аспектов. Хотелось бы также отметить, что материал сборника не подтверждает высказанное в 1963 г. В. А. Звегинцевым предположение о возможности примене-

ния методов порождающей (трансформационной) грамматики в типологических работах. Возвращение от построения идеальных языковых конструктов к традиционному эмпирическому подходу особо оговаривает В. Леман (с. 171), а контраст с модным направлением Н. Хомского он подчеркивал еще в [1, с. 2]. Вместе с тем думается, что идеи порождающей грамматики не могли не сыграть роли катализатора при широком включении синтаксического компонента в типологические исследования и при отходе последних от чисто структурных морфологических схем. При этом нельзя не упомянуть животворную силу идей И. И. Мещанинова и его школы, способствовавших возникновению континентальной типологии.

Сборник открывается статьей В. Н. Ярцевой «Общие и частные тенденции исторических изменений языкового типа» (с. 1—16). Переструктурирование системы языка объясняется автором как следствие независимости языковых явлений и преобразования количественных изменений некоторых свойств языковых элементов в качественно новые образования, «...поскольку цель языка как средства общения предполагает его системную сбалансированность» (с. 1). Отмечено, что функциональный подход обогатил представление о системном характере языка тем, что вскрыл семантические отношения между аспектами (уровнями) языка. В. Н. Ярцева уделяет особое внимание проблеме вариативности языка, зависящей от его различных территориальных и социальных характеристик; в этой связи рассматриваются различные проявления вариативности на разных уровнях языка, что показано на примерах из истории английского языка.

В статье ставятся три главных вопроса: 1) возможно ли коренное изменение языкового типа в истории одного языка или группы родственных языков; (2) на каком из уровней — фонетическом, морфологическом, синтаксическом или лек-

сическом — начинаются типологические изменения; (3) как при изменениях отличить типологически «новый язык» от «нового состояния того же языка». Ответы связываются с определением языкового типа как формы организации понятийного содержания в языке при учете формальных и семантических вариаций на каждом уровне. Статья заканчивается показом того, что для диахронической типологии важен общий «отпечаток» всей организации структуры языка на его исторических изменениях.

Статьи рецензируемого сборника в той или иной мере дают разные варианты ответов на вопросы, поставленные В. Н. Ярцевой, а также поднимают другие проблемы. Значительная часть статей касается реконструкции прошлых состояний языка на примерах разных языковых семей, и в частности индоевропейской.

К фонологически ориентированным относится статья Р. Аустерлица «Типология на службе реконструкции: сахалинский нивхский» (с. 17—33). Привлекая ареальные данные и тщательно обследуя нивхскую фонотактику, отображенную в схемах и таблицах, автор решает ряд проблем. Так, например, вопрос об исконности начальных групп согласных и возникновения их в результате синкопы или тоновых сдвигов решается с опорой на то, что в языках этого региона (за исключением среднекорейского, где группы согласных возникли как раз на основе синкопы) нет начальных групп согласных.

Проблема соответствия шумных смычных (*p, t, k*) и звонких (*lenis — b, d, g*) возникает в связи с их использованием в разных семантических группах слов и морфологических классах. Автор склоняется к мнению о наличии лишь одной серии (*lenis*) в протонивхском, поскольку в других древнейших языках этого региона не засвидетельствованы языки с двумя сериями согласных — звонкими/глухими и аспирированными/неаспирированными. Отсюда делается вывод, что на более ранних этапах развития нивхского слово было длиннее, чем в современном нивхском, что подтверждается этимологией некоторых слов. Несмотря на убедительный анализ для нивхского языка, все же в общетипологическом плане большая древность *lenis* вызывает сомнения, так как именно эта серия занимает «шаткое» положение в общей языковой системе.

С общетипологической точки зрения небезынтересны наблюдения и выводы об *s*, которое выступает как фриктивный альтернант аспирированного глухого *s* и по всем данным древнее последнего. Следовательно, и *z* древнее *s*. В связи с этим для протоязыка восстанавливается пара **-s* и **-z*. С другой стороны, *s* могло дать реф-

лекс в виде начального *h*, что находит типологические параллели с и.-е. языками. Автор, однако, показывает, что возникновение *s* < *š* достаточно сомнительно, так как системы с *š*, но без *s* крайне редки и в данном регионе их различие весьма незначительно.

Интересны также наблюдения над постоянством связи фонетического облика слова с его морфологическим классом: в области вокализма указывается на тот факт, что *-i-* используется в личных местоимениях, а в области консонантизма — губные и палатальные характерны для личных местоимений (в прочих разрядах местоимений представлены дентальные и некоторые другие согласные).

В заключение формулируется общий вывод, что «несмотря на гипотетичность протоязыков, их следует рассматривать в предполагаемом географическом (и, следовательно, ориентированном на человека) контексте» (с. 33). В ряде последующих статей сборника можно найти реализацию сходных мыслей и доказательств.

Статья А. Тимберлейка «Типология и фонологическая история» (с. 35—56), основанная на индоевропейском материале, начинается с обоснования принципиального различия между типологическими утверждениями о возможных системах и о возможных изменениях. Этот тезис демонстрируется на нескольких известных примерах, своеобразно решаемых автором.

Первый пример обращен к проблеме хронологической последовательности монофтонгизации и.-е. дифтонгов в праславянском (общеславянском, по терминологии автора) в соотношении с велярными палатализациями. По известному положению Р. Якобсона, между первой и второй велярными палатализациями происходила метатежа дифтонгов и лишь после второй и третьей они монофтонгизировались. Однако такой сложный путь вызвал сомнения автора. В связи с этим он привлекает типологическую параллель с общепалатальским, где гласные возникали непосредственно из дифтонгов. Тимберлейк отстаивает идею монофтонгизации после первой велярной палатализации, за которой идут две последующие палатализации и изменения завершаются сдвигом гласных. Такой ход представляется более убедительным, так как он, во-первых, имеет типологическую параллель, причем эта параллель дана на ареально близком языковом материале, не говоря уже о том, что выдержан и принцип простоты теории.

Второй пример Тимберлейка дает больший типологический разброс, так как в нем сопоставляются факты старофранцузского языка с языком кваикутль.

В индоевропейстике известны различия в отражении серий веларных в языках кентум и сатэм. Возникает вопрос о количестве этих серий — две (с лабиализацией или без) или три. В старофранцузском языке при наличии лабиовеларных и чистых веларных палатализовались лишь последние независимо от окружения (исключение составляет позиция перед огубленными гласными заднего ряда и сонорными), что аналогично положению в языке кваккутль. Автор делает вывод, что это говорит в пользу реконструкции двух серий веларных в и.-е. праязыке, т. е. сатэмная ситуация выводится из кентумной как результат палатализации не лабиализованных веларных и делабиализации исконно лабиальных веларных. Иными словами, это решение идет вразрез с достаточно широко принимаемой теорией Гамкрелидзе — Иванова, а также с усвоенным «со школьной скамьи» положением о параллельном развитии языков кентум и сатэм в двух разных ареалах и.-е. диалектов. Однако в этом отношении статья оставляет больше вопросов, чем дает ответов.

Далее автор сопоставляет данные языка такелма с фактами германских языков, в частности с известным законом Вернера, который определяет специфику германских языков среди и.-е. языков. Проблема состоит в уточнении времени действия закона Вернера: проявляется ли он в исконных смычных индоевропейского или в уже спирантизованных единицах. В языке такелма система смычных аналогична исконной и.-е. системе, а перенос ударения на предшествующий слог действует равносильно закону Вернера, но непосредственно на смычные. Следовательно, такое же явление могло иметь место в тех и.-е. диалектах, которые впоследствии оформились в германские языки, причем главным фактором было также ударение.

Наконец, Тимберлейк обращается к жемайтскому диалекту литовского языка и показывает, что развитие его акцентной системы не аналогично изменению, подсказанному известным законом Соссюра. Точнее — направленность изменения, по мнению автора, неоспорима, но механизм вызывает сомнения, так как пока не выявлены те окончания, на которые переходило ударение; нет и типологических параллелей. Уместно заметить, что Соссюр весьма интересовался именно жемайтским диалектом, и, если бы он располагал более обширным материалом, то, возможно, сам бы уточнил свой закон [3].

В заключение А. Тимберлейк пишет, что «типологически наиболее непреодолимыми являются параллели для изменений, а не для синхронных систем» (с. 55).

По прочтении статьи складывается мнение, что, возможно, лучше не пересматривать старые истины, а сопоставлять целостную картину хотя бы какого-либо фрагмента фонологической истории той или иной семьи или подсемьи языков с соответствующим фрагментом истории другой семьи.

Третья статья этого цикла — статья Т. В. Гамкрелидзе «Диахроническая типология и реконструкция: архаизм германских и армянского языков в свете глоттальной теории» (с. 57—65). Автор справедливо возражает против так называемой «типологической реконструкции», отличной от сравнительно-исторической, так как для последней типология выступает в виде критерия верификации ее результатов и в синхронии, и в диахронии, хотя, разумеется, не во всех случаях. Например, известный сдвиг согласных в названных языках (*b, d, g, > p, t, k*) говорит лишь о соотношении соответствующих единиц, хотя исторически это явление и не засвидетельствовано (с. 59). Глоттальная же теория, утверждает автор, приводит и.-е. консонантизм в соответствие с данными как синхронической, так и диахронической типологии и ставит армянский и германский консонантизм ближе к протоиндоевропейскому (с тремя сериями смычных). Особенно близок к нему доклассический армянский, сохранивший незвонкий характер эгзивных смычных I серии и придыхательные фонемы II и III серий, что подтверждает глоттальную теорию. Последняя дает убедительное объяснение также и сохранению смычных в сочетаниях после *s*, поскольку, например, глухой смычный и соответствующий фриктивный рассматриваются как аллофоны одной протофонемы. Автор указывает, что тезис об архаичном характере древнего консонантизма в анализируемых языках «является выводом из глоттальной теории, а не ее предпосылкой» (с. 64).

В статье А. Хэррис «Типология выравнивания и диахроническое изменение» (с. 67—90) на материале различных языков — эргативных, активных и аккумулятивных (с особым вниманием к последним) — исследуется выравнивание (alignment) надежных показателей и формулируется универсальный принцип, названный комплементарным: «В грамматических структурах языка *L* на временном отрезке *t_i* представлены как имена *N_x* — носители грамматического отношения *R_j*, которое кодируется маркером *M*, так и имена *N_y* — носители грамматического отношения *B_j*, которое не кодируется маркером *M*; если на временном отрезке *t_i + 1* в *L* имена *N_x* и *N_y* маркируются

маркером M , то на временном отрезке t_i отношения R_j и R_k комплементарны к N_y » (с. 71). Грамматическими именуются отношения между компонентами предложения (подлежащее — дополнение, дополнение — прямое и косвенное и т. п.), выраженные падежными маркерами M , при этом R_j — это отношения предшествующего состояния, а R_k — отношения реципиента в их хронологической последовательности. Комплементарность определяется как «сильная гипотеза», если эти два отношения являлись единственной парой в пределах большего отношения, и как «слабая гипотеза», если эта пара выступает в ряду нескольких таких отношений. R_j и R_k комплементарны при трех условиях: (1) $R_j = R_k$. Это условие называется расширением: при нем показатель падежа (согласование) на более позднем этапе приписывается большему числу грамматических отношений, например, относительно простая аккузативная система древнеиранского развилась в иранских языках в сложную систему использования падежных маркеров в различных моделях с неодинаковыми глагольными категориями; (2) Второе условие называется включением: при нем R_j и R_k вместе составляют как бы высшее отношение, например, дополнение включает прямое и косвенное дополнение, абсолютив включает прямое дополнение и подлежащее при непереходном глаголе (примеры даны из кавказских языков); (3) Третьим условием является возможность имен N_y выступать в отношениях R_j и R_k одновременно, но на разных синтаксических уровнях, при этом важно, какое именно отношение кодируется маркером M . В латыни, например, подлежащее маркируется номинативом, но он же может маркировать прямое дополнение в пассивных конструкциях; аналогичные примеры даны из картвельских языков. Все положения демонстрируются на схемах.

Остановившись на псевдопроблеме частного реципиента и на так называемой гипотезе неаккузатива (*unaccusative hypothesis*) в финском языке, автор делает общее заключение: комплементарный принцип является эксплицитным и строгим. Он утверждает действие аналогии по отношению к процессам линеаризации (выравнивания). Думается, что попытка строгих обобщений на большом корпусе языков и на разнообразных явлениях заслуживает внимания, хотя традиционалиста может смутить замена метаязыка описания: целесообразна ли она или это — дань современности.

Тема падежной функции в историческом аспекте представлена в статье

Г. А. Климова «Об источнике генитива в эргативных языках» (с. 91—94). Высказав поддержку идеи Е. Куриловича и Э. Бенвениста о типологической корреляции генитива с номинативной парадигмой и рассмотрев его как уровня морфологической транспозиции между номинативом и аккузативом, автор отмечает, что в языках активного строя генитив отсутствует, а в эргативных встречается лишь в тех языках, где есть номинатив, как, например, в баскском и нахско-дагестанских. В последних можно определить субъектную и объектную функции генитива (ГС и ГО). Функция генитива посессивности (ГП) наличествует лишь при двух главных функциях (ГС и ГО), а ГО имеет место лишь при наличии ГС (исключения единичны). Далее перечисляются ограничения на употребление ГС (например, при использовании с именами одушевленными и неодушевленными и при функционировании ГП, параллельно с которым в функции атрибута может употребляться абсолютив). Все это позволяет сделать выводы, подтверждающие сравнительно-исторические заключения о позднем формировании генитива в этих языках. Однако четкой картины распределения маркеров генитива и других падежей нет, хотя выделяются, с одной стороны, лезгинские, а с другой, нахско-дагестанские языки. Сходство маркеров генитива с окончаниями других падежей и распространение маркеров генитива на падежи, предшествовавшие ему, позволяет обратить внимание на то, что эти маркеры присоединялись к субъектным и эргативным формам языков, тиготевшим к номинализации (например, в лезгинских языках). Все эти сведения безусловно важны для выяснения сущности грамматики падежей в ее соотношениях с типом языка, особенно, когда речь идет о генитиве. Как пишет Ю. С. Степанов, «в настоящее время понятие принадлежности „генитивности“... составляет один из центральных фрагментов философской и логико-лингвистической проблематики языка» [4, с. 41].

В любопытной статье Дж. Николз «Некоторые предварительные условия установления типичных черт языков стативо-активного типа по отношению к индоевропейскому» (с. 95—113) представлена сходная тема. Особо отметим, что автор широко пользовался статистической методикой (частотность определялась по методу хи-квадрат), результаты которой наглядно представлены в десяти таблицах (отдельные языковые черты) и в сводной таблице (определение языкового типа на материале языковых семей, групп и отдельных языков Америки и Евразии с глубиной данных до 4000 лет). Своеобразие результатов заставляет подробнее

остановиться на этой статье, чтобы типологи смогли воспользоваться ее данными.

За основу принимается классификация Г. А. Климова [2] и рассматривается линейаризация главным образом в предложении (clause alignment) по следующим диагностическим чертам: отчуждаемая/неотчуждаемая принадлежность, инклюзивность/эксклюзивность у местоимений, классифицирующие глаголы, грамматический род у имен. Включены также данные по типам именных сочетаний (NP) и по типам маркирования в предложении, а общий подсчет составлялся отдельно по континентам: Северная Америка и Северная Евразия.

Для сравнения взяты тип относительной эффективности линейаризации в предложении (по Климову) и тип морфологического маркирования (по данным автора), которые рассматриваются в качестве факторов, предсказывающих (predictors) эти черты. При этом тип линейаризации определяется как аккумулятивный, эргативный, стativo-активный и иерархический (последний тип не дает четких критериев определения, есть также нечеткие случаи); морфологический тип определяется по месту маркера синтаксических отношений у главного или зависимого члена предложения (также в случае расщепления или двойной маркировки в иерархическом типе).

Обращает на себя внимание то, что значения частотности во многих случаях отличаются от ожидаемых значений. Автор отмечает, что существует корреляция между маркированием именных сочетаний (NP) и типом линейаризации в предложении: языки, где маркируется главный член, относятся к стativo-активному типу; в них есть различие по отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности. Однако языки с линейаризацией или с маркированием не имеют значений корреляции с оппозицией инклюзивности/эксклюзивности: ни тот, ни другой тип не имеют силы предсказывать наличие рода. Любопытно сравнение значений морфологических корреляций по континентам: маркировка главного члена выступает со значительно превосходящими, чем ожидалось, частотами в Северной Америке (23.50 против 20.55 для словосочетаний) и 21.50 против 17.66 для предложений); частотность эргативного типа существенно выше (8.00 против 4.00) в Северной Евразии и ниже в Северной Америке (4.00 против 8.00); частотность стativo-активного типа ниже в Северной Евразии (2.00 против 4.33) и выше в Северной Америке (11.00 против 8.67). Стativo-активный тип почти полностью ограничен языками с маркировкой главного члена, тогда как последний морфотип встречается со

всеми типами линейаризации в предложении, и т. п.

Из указанных диагностических черт выражение отчуждаемости/неотчуждаемости предсказывается непосредственно типом морфологии и косвенно типом синтаксиса. Инклюзивность/эксклюзивность же не предсказывается ни морфологией, ни синтаксисом; род коррелирует с типом выравнивания, а с морфологией лишь при определенных условиях. Автор подтверждает вывод Г. А. Климова о корреляции некоторых черт со стativo-активным типом, но уточняет, что эти корреляции связаны скорее со структурными особенностями морфологической маркировки, чем с контентивной базой принципов.

На основе всего анализа делается вывод, что реконструкция стativo-активного строя для протоиндоевропейского языка (по Гамкрелидзе — Иванову) должна быть пересмотрена, так как морфология его реконструируется как явно маркирующая зависимые члены предложения, что противоречит стativo-активному типу протоязыка. Выражение отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности, встречающееся только в анатолийском, может быть вторичным (это формальная, а не категориальная оппозиция, т. е. она не применима к протоязыку); оппозиция же инклюзив/эксклюзив не диагностична по рассмотренным параметрам.

Интересен также вывод о том, что истоки языков с маркировкой зависимых членов и выражением рода следует искать на Ближнем Востоке, а поскольку этим же характеризуется и протоиндоевропейский, то подтверждаются выводы Гамкрелидзе — Иванова о прародине индоевропейцев. Оба вывода оказываются, таким образом, разнонаправленными, и встает вопрос о соотносимости ареальных и статистических данных.

Не приходится говорить и о том, что любой статистический метод зависим от вводимой программы и просчет по другим параметрам мог бы дать иные данные. Вместе с этим еще раз подчеркнем, что результаты, полученные Дж. Николз, весьма примечательны, как и ее соображения о рекурсивных отношениях формы и содержания, которые были высказаны на предыдущей конференции [1].

В статье В. А. Виноградова «Историческая морфемика и типология порядка единиц» (с. 115—122) рассматривается проблема грамматикализации на материале бенуэ-конголезских языков. В этих агглютинативных языках действует принцип приоритетности расположения морфем в пре- и постпозиции к корневой морфеме. При этом наблюдается зеркальное расположение докорневых морфем (Ass + Dat + R) по отношению к расположе-

нию лексем в предложении (V + Dat + + Acc). Было высказано предположение (Т. Гивон), что морфемный тип отражает более древний тип синтаксиса (SOV) по сравнению с типом SVO. В статье приводится дополнительная аргументация в пользу другой точки зрения (С. Стил): не всякие, а лишь некоторые морфемы отражают прежнюю позицию синтаксически независимых элементов. Доказывается, что SOV-тип может быть реконструирован без обращения к морфемике и даже стать ключом к ней. При этом учитываются: принцип второй позиции, семантическая иерархия дополнений, возможности расхождения топика и второго топика (afterthought, или посттемы), рематических компонентов и интонационного рисунка.

На примере диалектов бамилеке (язык бане) показана типологическая цепочка развития морфоэлементов и демонстрируется переход от лексически и синтаксически свободных единиц к синтаксически определяемым, затем к агглютинативным и, наконец, к связанным морфемам при строгом расхождении по отношению к корню (дополнение, например, выраженное местоимением, не может располагаться до корня), т. е. делается шаг в сторону SVO-порядка.

Автор представляет типологическую шкалу грамматикализации из пяти ступеней: 1) слово (0), 2) вспомогательное слово (коллокация), 3) логоморф (конкатенация), 4) морфема (агглютинация), 5) гиперморфема (фузия) (с. 119). В этой шкале выделена особая единица — л о г о м о р ф, которую трудно определить, слово это или морфема, ибо она функционирует то в одном, то в другом качестве. Можно заметить, что подобное положение наблюдается и в других языках. М. Д. Степанова называла аналогичное явление в немецком языке полусуффиксацией: например, полусуффикс [man] выступает то как суффикс, то как отдельное слово. Однако идея логоморфа дает более общую картину явления, которое справедливо может именоваться логоморфизацией. Нельзя не согласиться и с тем, что логоморфизм является промежуточной ступенью между изоляцией и агглютинацией, т. е. между синтаксисом и морфологией, причем эти процессы сопровождаются делексистикацией, десинтактизацией, а также десемантизацией и расширением. Добавим, что путь к морфологии через синтаксис оправдывается не только в структурном, но, с нашей точки зрения, и в категориальном плане [5, с. 6].

Заключительный вывод В. А. Виноградова в свете его теории сводится к тому, что языки бане представляют собой предшествующую ступень развития по сравнению с языками банту, если не считать

того, что в бамилеке логоморфизм является следствием циклического развития. Хотя в статье В. А. Виноградова рассматривается материал африканских языков, не подлежит сомнению, что разработанная им общая теория логоморфизма будет использована и специалистами по общему языкознанию.

Проблемы реконструкции на широком фоне сопоставления языков представлены в статье Дж. Гринберга «Относительные местоимения и тип порядка слов в протоиндоевропейском языке в контексте евроазиатской гипотезы» (с. 123—138). Гринберг считает, что существует языковой массив, в который входят десять членов: 1) индоевропейские, 2) уральские, 3) юкагирский, 4) алтайские (тюркские, монгольские, тунгусские), 5) айну, 6) корейский, 7) японский, 8) гилакский (нивхский), 9) чукотские (чукотско-камчатские) и 10) эскимосско-алеутские языки, таковыми которых на разных уровнях обнаруживает свойства, унаследованные от единого общего предка, отличного от всех прочих¹.

На большом количестве примеров из названных языков автор выясняет вопрос, поднятый еще в эпоху Бругмана: существовали ли в протоиндоевропейском (ПИЕ) относительные местоимения, на роль которых выдвигались корни *kw-, *je-jo. Сомнения возникали из-за того, что эта роль, как полагали некоторые, была вторичной, а первичные функции этих элементов связывались с вопросительностью, демонстративностью, анафоричностью, координативностью.

Тщательный анализ приводит автора к выводу, что использование рассматриваемых местоименных единиц связано определенным образом с порядком слов, так как в подавляющем большинстве языков при порядке SOV относительность выражается не этими средствами, а причастиями, суффиксацией глагола и т. п. И лишь в уральских, а точнее в балто-финских языках, при порядке SVO есть относительные местоимения. Отсутствие особых корней для относительных местоимений в и.-е. языках позволяет говорить о том, что они происходят от языка-предка со строгим SOV-порядком. В эпоху, предшествовавшую формированию ПИЕ, этот порядок стал разрушаться и могло иметь место состояние, зафиксированное в чукотских и эскимосско-алеутских языках, где представлены обе возможности: с преимущественным порядком SVO в первых и SOV — во вторых.

¹ В примечании автор подчеркивает, что его гипотеза не противоречит идеям постраттики, а расширяет ареал языков, что и.-е. языки ближе к уральским, чем к семитским.

Выводы автора наглядно суммируются в таблицах.

Не затрагивая сущности евроазиатской гипотезы, поскольку ее идеи требуют особого анализа, заметим, что более древний характер порядка слов SOV, который фиксируется или реконструируется в языках древнейших форм человеческих сообществ, может быть связан с древнейшими формами выражения мысли. Это, кстати, фиксируется и в становлении детской речи, когда, овладевая предметным миром, ребенок строит протопредложение из соположения двух имен существительных как знаков-сигналов обозначаемых ими предметов, первое из которых выполняет роль темы (топика), а второе ремы (работы А. М. Шахнаровича, М. А. К. Хэллидея, Ч. Ли и С. Томсон и многие другие труды). Аналогично этому и порядок SO содержит соположение двух предметных имен с расширением второго рематического компонента за счет присоединения признакового слова V, т. е. возникает первичный порядок SOV. Для подтверждения этих соображений статья Дж. Гринберга составляет интереснейший материал. Кроме того, его выводы дают основание и для утверждения стативно-активного характера протоиндоевропейского языка.

В весьма информативной статье Н. В. Солицевой «Диахроническое изменение и типология на примере языков Юго-Восточной Азии» (с. 139—146) показано, что в этих языках можно обнаружить разные этапы развития, которые обуславливались и структурными причинами, и взаимными контактами во время обширных миграций. Основное направление изменений связано со сменой «старой» флективной морфологии на новую — агглютинирующую с одновременным переходом к изолирующему типу.

На примерах из мон-кхмерских языков (от тайского до вьетнамского и лаосского) продемонстрированы процессы превращения старых префиксов, маркировавших исчезнувшие категории, в фонетические части слов с утратой ими грамматического значения. Как следствие этого возобладал моносиллабизм. Новые агглютинировавшиеся маркеры глагола возникли из ставших вспомогательными глаголов, а также из наречий, а не из местоимений. Это приводило к сдвигам в функционировании слов в предложении и к изменениям в синтаксической структуре.

С точки зрения континентальной типологии языки данного региона на протяжении всей своей истории принадлежат к языкам активного строя. Однако изменения наблюдаются и здесь. В этих языках четко выявляется дихотомия по одушевленности в именах и глаголах на всех уровнях языковой системы: при лексико-

грамматических классах используются соответствующие классификаторы. Именно они, по мнению автора, функционируют при семантической координации синтаксических соотношений, т. е. при формировании субъектно-предикатной структуры и т. п. Эти языки имеют инклюзивные и эксклюзивные формы местоимений 1 л. мн. ч. Противопоставление одушевленности/неодушевленности в активных/неактивных глаголах с утратой префиксов преобразовалось в трехчленную систему: переходные — непереходные — стативные/неактивные, появились также диффузные глаголы, используемые при всех этих возможностях. Показаны также способы выражения скрытых категорий.

Порядок слов в исследуемых языках преимущественно SVO, но в неизоллирующих языках имеет место и OVS, а в зависимости от выражения одушевленности возможны оба порядка. С этой же категорией связаны и принципы пассивизации, выражение категорий времени и вида и сохранение активного строя или его вторичное развитие. Однако поскольку одушевленность/неодушевленность и активность/неактивность не выявляются в формах слов, эти языки можно считать квазиактивными. По-видимому, характеристика языка как системы с мягкой структурой (по В. Налимову) позволяет говорить, что и типология языков должна иметь мягкую структуру, а сами языки могут рассматриваться в качестве нечетких множеств (по Р. Тому).

Исследователь языков Аляски М. Краусс, представивший на первой конференции их структурно-типологический обзор [1], в рецензируемом сборнике выступил со статьей «Типология и изменения в языках Аляски» (с. 147—156). Рассматриваются две семьи языков: эскимосско-алеутская и на-дене. Эти семьи интересны тем, что при возможности восстановления до глубины в 4000 лет они обнаруживают сохранность типа морфологической структуры, т. е. степени агглютинации и синтета (фузии) вплоть до полисинтеза.

Интересны выводы автора о реконструкции в атапаскских языках различий не по тону, что характерно, например, для языка эяк, а по глоттальной смычности (constriction). В качестве типологических параллелей приведены армянский и скандинавские языки, но в отношении первого возможно влияние кавказских языков. Говоря о смычности в атапаскских языках, автор подчеркивает высокую стабильность системы — простые, аспирированные, глоттализированные, хотя в соседних языках подобная система не представлена. В виде контраста упомянуты и с-е. языки, где именно смычные претерпели значительные изменения. Возникает вопрос: что влияет на изменчивость/ста-

бильность — внутренние присущие свойства или тесные контакты с окружающими типологически разными языками. Указанная серия смичных в языке на-дене характеризуется отсутствием лабиальных и, несомненно, восходит к протоязыку, так как в некоторых современных атапаскских языках есть лабиализованные велярные и др.

Морфология эскимосско-алеутских и на-дене языков известна своим суффиксальным полисинтетизмом, деривативным и флективным, с высокой стабильностью. Развитая система указателей, хотя в эскимосском их флексии отличаются от других языков. В на-дене полисинтетизм в основном проявляется в глаголе. Нововведением предстает инкорпорация в префиксальных именных комплексах.

В заключение автор оспаривает идею Э. Семира о сращении ранее независимых элементов глагольного префиксального комплекса в полисинтетическое единство на основании возможной гибридизации с каким-то неизвестным источником лексикона.

Статья М. Краусса весьма информативна, и, думается, она наметает ответ на поставленный им вопрос о внутренних и внешних стимулах языкового изменения: сопоставление многовековой истории языков Аляски с и.-е. языками весьма примечательно в плане, так сказать, макроистории, а в качестве микроистории можно сослаться на развитие английского языка в его сопоставлении с другими германскими языками, с одной стороны, и с его диалектами, с другой.

В статье П. Хоппера «Принципы грамматики: к диахронической типологии» (с. 157—170) на примерах из истории английского и некоторых других языков дано описание принципов, названных эвристическими. Эти принципы могут способствовать, по мнению автора, открытию и определению языковых процессов и описанию универсальных тенденций, но они не предсказывают грамматику, а действуют ретроспективно. Устанавливаются четыре принципа: (1) а к к у м у л я ц и я — новые, постепенно возникающие в пределах функциональных областей слов сосуществуют и взаимодействуют с сосуществовавшими старыми; (2) д и в е р г е н ц и я — лексические формы превращаются в клитики, или аффиксы, но исходная форма сохраняется; (3) с п е ц и а л и з а ц и я — если есть ряд форм, выражающих оттенки значения, то происходит уменьшение числа таких форм, а их значения обобщаются; (4) с о х р а н я е м о с т ь — сохранение грамматизованной предшествующей лексической формой ее первоначального значения, которое отражается в ограничениях ее грамматического использования. Области дис-

курсивных функций трактуются вслед за Т. Гивоном: последовательность действий, подразумеваемая информация (background information), прослеживание референции и т. п. При их переводе на уровень морфосинтаксиса открываются грамматические области: «время/вид/модальность», «референция», «транзитивность» и т. п.

Примеры на первый принцип а к к у м у л я ц и я приводятся из области время/вид/модальность, и лишь некоторые трактовки отходят от традиционных воззрений на происхождение форм, как новых — английских, так и общегерманских и общендоевропейских. Глагольный аблаут рассматривается как сигнализирующий видовые различия — перфект/имперфект и точечный/длительный вид (*e/o* — презент/перфект, *e/θ* — презент/аорист), как и лексикализованная о-ступень, которая сигнализирует нетранзитивность, совмещаемую с глаголами движения (VI и VII классы сильных глаголов). По вопросу происхождения дентального претерита слабых глаголов автор солидаризируется с В. Леманом, считающим, что это был старый детерминатив корня, передававший видовое перфектное значение и позже ставший выражителем времени. То, что в готском и древненорвежском не зафиксирован отдельный глагол, восходящий к и.-е. **dhe*, подтверждает также принцип (2) — д и в е р г е н ц и ю. Принцип (3) — с п е ц и а л и з а ц и я показан на перифрастическом использовании глаголов *shall, will, have, be* в английском языке и превращении их во вспомогательные элементы. Этот же принцип представлен на примерах аспектуального использования порядка слов в древнеанглийском языке, равнозначного функции совершенного вида в русском языке и сигнализирующего о различии события/несобытия. Наконец, принцип (4) — с о х р а н я е м о с т ь показан на примере глагола *have*, у которого уже в древнеанглийском намечались две функции — транзитивности и развившейся впоследствии нетранзитивности.

Статья П. Хоппера в известной мере дополняет статью В. А. Виноградова, т. к. в ином ракурсе трактует сходные процессы, но по обобщающей силе уступает ей. Можно выразить вместе с этим сожаление, что идеи, высказанные П. Хоппером на предыдущей конференции, не нашли продолжения в плане диахронической типологии. Весьма перспективным представляется предложенное тогда изучение социального обоснования дискурсивных функций при использовании порядка слов VS и SV, которое было предложено в развитии идей Пражского лингвистического кружка².

² Автор показал, что при обеих возможностях порядок VS соответствует ре-

Последняя статья сборника, как и первая, носит более общий характер, соблюден как бы рамочный принцип презентации материалов конференции. Статья В. Лемана (с. 171—187) названа «Синтаксические реликты» (residues) и начинается с критики ментализма. Автор пишет: «Разочарование в менталистском подходе имеет разные причины и среди них неудача в создании конечных продуктов лингвистической науки — грамматик и словарей» (с. 171).

В. Леман исходит из сосюрювской доктрины о языке как системе, которая основывается на отношениях входящих в нее классов и единиц, причем их идентификация проводится по позиции в системе. Анализ языка на основе определения классов и их компонентов представляет цель лингвистической типологии. В пределах классов устанавливаются группировки, которые выступают как норма, инновации и реликты. Признаки последних определяются в пределах регистров и социальных вариаций языка, тогда как инновации чаще всего возникают в повседневном общении.

Автор исходит из мнения о центральной роли синтаксиса и его базовой единицы — предложения, что заслуживает всесторонней поддержки. Однако можно заметить, что именно здесь пересекаются интересы традиционалистов и менталистов, и лишь методики анализа, блестяще раскрытые автором на примере амхарского языка, показывают преимущества эмпирического подхода, учитывающего реальную историю языка во времени и пространстве.

Предлагая полагаться на данные истории языков, автор подчеркивает, что «типологические размышления определяют моделирование» (с. 177), но нельзя пренебрегать и результатами социолингвистических исследований. На примерах сопоставления древнеанглийского с современным английским и раннегреческого с койне доказываются, что по сравнению с расположением именных определительных конструкций AdjN/NA_{adj} интереснее выглядят сравнительные конструкции, так как они не подвержены прагматическим влияниям и свидетельствуют о переходе OV → VO. Аналогичный вывод дает сопоставление места дополнений в раннем санскрите, в хеттском, а также в турецком и японском. Даны и другие примеры, показывающие, что порядок VO был инновацией. Демонстрируются реликты по-

портажному изложению с продолжающейся темой (топиком), а порядок SV соответствует нарративному описанию, включающему обоснование, а также утверждение, т. е. субъектно-предикатному типу предложения [1].

рядка OV в отрицательных конструкциях в английском, турецком, аккадском и французском языках.

Автор высказывает убеждение в том, что обнаружение реликтов не обязательно должно связываться с целыми системами языков, так как весьма показательны могут быть и отдельные участки. Так, избирательная сочетаемость глагольных форм ед. числа в греческом подсказывала (по Й. Шмидту) реликтовую модель без категории множественности, что подтвердилось хеттскими и германскими примерами как реликтами выражения собирательной множественности. Реликтом избирательной сочетаемости являются и сложные существительные типа бахуврихи. Отмечено также согласование по принципу сандхи со структурой языка: вариации сандхи в префигирующих VSO-языках (раннедревнееврейский, древнеирландский) затрагивают смычные и фрикативные в префиксах в соответствии с предшествующими глухими или звонкими, а в OV-языках с превалированием суффиксации — в конечных элементах, что результировалось в наличии структур с открытыми слогами (турецкий, японский).

Знакомство с рецензируемым сборником позволяет сделать некоторые выводы о направленности типологических штудий второй половины 80-х годов. Прежде всего бросается в глаза внимание к проблемам реконструкции на материале разнотипных языков с учетом типологических параллелей не только в целях верификации полученных данных, но и в качестве инструмента открытия.

Далее, можно с уверенностью сказать, что в центр типологических изысканий встал синтаксис, а следовательно, широчайшие проблемы семантики. Вокруг синтаксиса порядка слов — основных компонентов предложения сгруппировались проблемы других аспектов системы языка и не только морфологии, что было бы естественно, но и фонологии. Изменилось и отношение синтаксиса к морфологии: если раньше она служила ключом к синтаксису, то теперь наметился обратный путь, базирующийся на типологии. Да и сама проблематика синтаксиса обогатилась за счет включения функционально-прагматической сферы тема-рематических отношений. В ряде статей даны предложения обобщающих принципов и новых методик, мы уже не говорим о богатстве раскрытого материала.

Хотя приходится констатировать, что три вопроса, сформулированные В. Н. Ярцевой, остались пока без ответа, нельзя не признать, что открываются дальнейшие широкие перспективы типологических исследований. Более того, почти каждая статья обоих сборников по типо-

логия языка (1986 и 1990 гг.) содержит в той или иной степени наброски целых будущих программ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Language typology // Ed. by Lehmann W. P. Amsterdam; Philadelphia, 1986.
2. Климов Г. А. Принципы континентальной типологии. М., 1983.

3. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М., 1990.
4. Степанов Ю. С. Пор-Рояль в европейской культуре // Арно А., Жансло К. Грамматика общая и рациональная. М., 1990.
5. Слюсарева Н. А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М., 1986.

Слюсарева Н. А.

Сталтмане В. Э. Ономастическая лексикография. М.: Наука, 1989, 116 с.

Новая монография В. Э. Сталтмане, известного специалиста в области лексикологии и ономастики, прежде всего в области латышской антропонимии, посвящена критическому разбору словарей имен собственных разных типов. Впервые в отечественной ономастике представлен опыт теоретического анализа ономастических словарей¹.

Для советской ономастики настоящего этапа работа В. Э. Сталтмане особенно важна и своевременна, поскольку в последнее десятилетие накопился значительный фактический материал, требующий осмысления. Автор с полным правом отмечает, что «каким бы ни был исследовательский подход, непременным условием для любой ономастической работы всегда остается наличие фактического материала. Последний же в наиболее удобной и обозримой для научного потребления форме оказывается представленным в виде словарей. Поэтому без преувеличения можно сказать, что лексикографическая инвентаризация имен собственных различных разрядов является основой дальнейшего развития ономастики в целом. При этом нельзя забывать о нормативной функции многих типов современных словарей» (с. 3).

Работа В. Э. Сталтмане построена как исследование из двух глав, обрамленное теоретическим Введением и Заключением. Во Введении (с. 3—10) в сжатой форме описываются теоретические предпосылки ономастической лексикографии. Принципиально важным следует считать утверждение автора о необходимости разработки собственной лексикографической теории для ономастической лексикографии, так как благодаря различию семантики имени собственного и имени нарицательного развивающаяся теория апелля-

тивной лексикографии не может быть адекватно применена к составлению ономастических словарей. Хотя для В. Э. Сталтмане не столько важен критический анализ словарей разных типов, сколько важны принципы их построения, тем не менее автор дает краткий обзор словарей последних десятилетий, обращая внимание на классификацию филологических словарей, предложенную латышским языковедом Л. Розе [2].

Основную задачу своей работы автор четко формулирует как «выявление специфики ономастических словарей на фоне типологии общих, путем конфронтации наиболее распространенных типов апеллятивных словарей с их аналогами — словарями ономастическими...». Из этого вытекает и более частная и практическая задача: «выявить типологические особенности ономастических словарей, показать, как могут быть построены словари для тех или иных классов и подклассов имен собственных, какие типы словарей для данного подкласса онимов оптимальны, какие невозможны или нецелесообразны» (с. 4). В работе рассмотрена практика лексикографической инвентаризации ономастического материала преимущественно в нашей стране; в меньшей мере привлекаются зарубежные ономастические словари.

С поставленными задачами исследовательница блестяще справляется, при этом ее работу характеризуют такие ценности для научного труда качества, как сжатость, высокая степень информативности и ясная логика изложения. Первая глава (с. 11—68) представляет собой обзор основных типов ономастических словарей, причем понятие «словарь» употребляется в широком смысле: в обзор включены и различного рода прикнижные словарные приложения. Учитываются не только опубликованные, но и находящиеся в печати, разрабатываемые и проектируемые словари, что повышает ценность обзора

¹ Специальную ономастическую терминологию см. в словаре Н. В. Подольской [1].